

Мое первое знакомство с творчеством иркутского художника Андрея Рубцова произошло еще в детстве. В то время я была очарована его живописью, особенно картиной «Женщина с утюжком». Ее светящийся образ, почти ангельский, обладал мощной силой воздействия на зрителя, когда ты словно улетаешь из реальности в картину, и начинаешь жить в ее волнующем мире цветовых ощущений, откровений и тайн. В то время мне очень нра-

вился живописец XVIII века Федор Рокотов, и сейчас мне кажется, что его «Портрет Струйской», несмотря на отличия в стиле, по общему настроению, по духовному подтексту — сродни женскому образу Рубцова.

Андрей Филиппович Рубцов — один из самых талантливых и необычных иркутских художников. В восемьдесят с лишним лет он полон творческих замыслов, и каждый день по несколько часов проводит в своей мастерской, работая над очередной картиной. Он редко показывает зрителям свои работы, в течение нескольких лет поклонники живописи Рубцова ждут встреч с его картинами. В былые годы в Иркутском областном художественном музее проходила выставка художника, которая стала значительным событием в культурной жизни города. Я посмотрела экспозицию и встретила с ее автором. Отвечая на вопрос, почему так редко проходят выставки, художник сказал:

— Выставочной суете я предпочитаю умиротворение и тишину мастерской, но, представляя свои работы публике, хочу видеть рядом с ними вдумчивого зрителя. Я хочу, чтобы пришли на выставку не смотреть, не посетить, а «увидеть». К примеру, учитель царей и друг Пушкина Василий Жуковский очень хотел увидеть «Джоконду» в оригинале и приехал в Мюнхен. Но, когда зашел в зал, где она экспонировалась, и заметил там двух посетителей, то не стал смотреть картину. Он пришел на другой день, когда зал был пустым, и Мона Лиза явилась ему.

По мнению художника, картины нужно смотреть в одиночестве, не спеша, полностью погрузившись в мир холста: «Картины тоже смотрят на зрителя. У каждой из них есть душа, главное ее почуять, тогда откроется зрителю и глубина картины, и гармония цветовых отношений».

На выставке — около 50 работ. Ретроспективная экспозиция позволяет проследить творческий путь художника. (1952–2007 г.). Здесь есть и картины прежних лет, например «Женщина с утюжком», «Портрет хлебороба В.П. Шундрука», «В ожидании», и те, что созданы в последние годы, среди которых хотелось бы отметить «Прикосновение», «Осинники», «Деревенские миражи», «Теплый вечер».

Контрастная живопись, где темные, почти черные, напряженные драматичные тона сменяют легкие воздушные оттенки белого, напоминает театр теней. Глядя на его работы, я подумала: немного у нас в Иркутске художников, умеющих писать свет, так, как пишет его Андрей Филиппович Рубцов, не как нечто материальное — луч солнца или сияние реки, а как душевно-эмоциональное или духовное явление. На его портретах словно не лица, а лучины, вспыхивающие среди тьмы однообразных будней светом мудрости прожитых лет, веры, которую герои его портретов пронесли сквозь войны и несчастья, смену политических режимов и экономических ситуаций в стране. Такой свет в картине «Прикосновение». На ней художник с молитвенным трепетом смотрит на освещенный солнечным сиянием холст. Его рука застыла в желании прикоснуться к полотну. Мне так и представилось: молящийся у золотого алтаря. Картина отражает вечную потребность человека прикоснуться к счастью — будь то вдохновенное творчество, любовь или духовное совершенство.

А вот картина «Человек с тростью». Внешне красивый, но внутренне надломленный, в силу своего физического несовершенства, человек мечтательно смотрит вдаль. В лице драма, а глаза излучают свет. Он исходит из души, которая, пройдя сквозь страдания, осталась все же чиста.

— Я иногда думаю, что зрителю надо подсказывать, — говорит художник. — Такой подсказкой в этой картине служит парусный корабль, который с первого взгляда и не заметишь. Он словно эхо главной мелодии картины. Может быть это эхо желаний, или душевного полета. Это горбун, и надлом у него, естественно, не только физический. Горбунам не летать, не плавать, и не мечтать. Но человек на картине обладает большим интеллектом, и покорять бы ему моря и океаны, вершины творчества, если бы не досадный недостаток. Но все невоплощенное отражается в мечтах. Эту мысль ассоциативно отражает парусник. Я думаю, человек застыл в вопросе: а что будет дальше со мной.

Одна из самых многозначных и философских картин на выставке «Притча о мальчике». В отличие от предыдущих работ это сюжетная и даже, можно сказать, многофигурная композиция. Любой зритель, лишь взглянув на картину, почувствует в ней трагизм. Худенький бледный мальчик празднует день рождения, но он печален. Его судьба предрешена, как и жизнь всех остальных мужчин на земле. Она будет отдана на заклятие войне. Тоскливая обреченность ощущается и в том, что в изображенной комнате как будто нет стен, и вокруг движется река времени. Мальчик обречен, но есть спасение — в православной вере. На картине ее символично изображает стол в виде креста. Искусствовед Тамара Бусаргина на встрече с художником отмечает: *«Драматизм, внутренний нерв живописных размышлений художника с кистью в руке связан с русской, иконописной темой».*

Произношу: Андрей Рубцов, эхом мне слышится: Андрей Рублев и Николай Рубцов. Возможно ли сравнивать иконопись с живописью? Иконопись — молитвенный подвиг, как говорил Флоренский, богословие в красках; иконопись — любовь, лишённая страсти... Художник Андрей Филиппович был вполне земной

человек, а живопись, как и любое другое искусство, живет страстью. И тем не менее, традиционная русская направленность в искусстве Рубцова очевидна, что сближало его с поэтом Рубцовым и даже иконописцем Рублевым.

Каждая картина художника-мыслителя рассказывает историю, в которой и судьба человека, и приметы эпохи, и субъективный взгляд автора. Я заметила интересную особенность: в любой картине есть деталь, которая становится своеобразным ключом к ее пониманию. К примеру, работа **«В ожидании»**. На ней женщина, ждущая своего счастья. Ее глаза устремлены вдаль — они задумчиво светлы и нежно притягательны. Руки женщины сложены на коленях в замок, словно приковав ее к ожиданию. Тема ожидания, ожидание любви, суженого, который ушел на войну, решена художником необычно: по словам автора, на стуле рядом с героиней сидит само ожидание, с которым она долгими вечерами делит свои мысли и мечты.

Пытливый зритель увидит в картине одну деталь — золотые маковки стула и полосы света на его сиденье. В сочетании с образом ожидающей героини эти детали легко вызывают ассоциации со святыми православными мучениками, в том числе женщинами, готовыми ради любимых пожертвовать своей жизнью. Эти детали играют роль своеобразных ключиков к более полному восприятию картины.

А в работе **«Мед и голубые чашки»** таким «ключиком» стали для меня дети за окном.

Вначале картина художника показалась мне обычным натюрмортом с более или менее выверенными с точки зрения гармонии цветами. Но, заметив нарисованных за окном детей, я представила — сейчас позовут детвору, и они, словно воробы, налетят на все чайные угощения. Натюрморт отражает сиюминутное настроение — легкость лета и маленького праздника. Вся картина словно соткана из серебряного цвета. Художник, говоря о картине, образно назвал свой натюрморт **«Легкое серебро дня»**.

Каждое произведение Андрея Рубцова словно философское эссе, где определяющими являются — вечность, тайна жизни и смерти, духовный свет. Золото на его работах — это символ веры, а серебро — гармонии и светлой грусти. Тонко чувствующий лирик и талантливый колорист, Рубцов считает, что у каждого цвета есть свое звучание: один — баритон, другой — тенор. Впрочем, и вся природа, по словам художника, музыкальна.

— У меня был случай, — рассказывает Андрей Филиппович. — Было это лет 25 назад. Я решил отдохнуть, лежу и мечтаю, а моя жена Инна Ивановна молча принесла пластинку, поставила на проигрыватель и ушла. Зазвучала музыка Россини, увертюры. И я увидел лето, и подумал, вот бы его написать, да так как звучит эта музыка: знойное, с огромными облаками, подхожу к пластиночке, а там написано — лето. Я не угадал, а почувствовал. Оттого что мир наш музыкален, оттого и композиторы хорошие. Мир наш поэтичен, оттого и поэты хороши. Вы никогда не замечали, когда едешь на поезде от Мысовой до Красноярска — виолончель звучит, а заезжаешь в Читинскую область — слышишь знойные монгольские струны.

Живопись Рубцова, несмотря на своеобразный символизм, основана на традициях русской классической школы.

— Русское изобразительное традиционное искусство еще полдороги не прошло по пути своего развития, — говорит художник. — Один их традиционных философов сказал: «канон — это то, на чем затачивается талант и ломается бездарь».

Канон — это закон, на котором стоит совесть, в котором звучит размышление о любви человека к человеку. Но традиционное искусство вышло уже на столь высокий уровень, что сейчас очень трудно создать что-то интересное в этом стиле.

Всё искусство Андрея Филипповича Рубцова — ассоциативно. Его идеи, сюжеты, истории картин показаны через сплетение ассоциаций, которые то ускользают от зрителя, то возникают вновь, как проявляется серебряным кружевом и исчезает лёгкая паутинка, свитая в сосновом лесу. Наверное, поэтому его работы не сразу открываются зрителю, и порой кажутся таинственными и непонятными. Сам художник так говорит об этом: «Сразу понятен только плакат, но он решает другие задачи, а истинно талантливое искусство — это всегда тайна».

Между тем, художник, говоря о предназначении своей живописи и искусства в целом, более лаконичен. На мое предположение, что «чем больше картина рождает ассоциаций, тем она глубже и соответственно лучше», он сказал:

— Слишком много ассоциаций — это тоже опасно: зритель может запутаться в них и не понять картину. Глубина же работ проста — если это портрет, то — любовь к человеку, если пейзаж — прославление Бога. Чем глубже твоя душа ложится в картину, а картина в душу, тем лучше.

Ассоциативные картины — не понимаются, а чувствуются душой. На это и рассчитано искусство художника. Любые картины, если не чувствуются душой, — плохие картины... Но сложные, глубокие, вызывающие философские размышления картины сможет почувствовать и оценить не каждый зритель. «Увидеть», а не посетить выставку Рубцова, возможно, смогут люди, владеющие культурой восприятия традиционного искусства, равнозначно, как и умеющие «слушать» и понимать, к примеру, симфоническую музыку.

— Есть у меня понятие — подушие, — говорит художник. — Какова душа, насколько она восприимчива, сколь зряча, таков и багаж подушия. В искусстве без подушия может существовать только бездарность. Ведь у художника из инструментов — лишь прямоугольник холста и семь цветов красок.

Мне кажется, и зритель, имеющий этот багаж души, не растеряется рядом с полотнами иркутского художника, грустно заметив: «не понимаю я высокое искусство», а найдет в картинах автора и то, что хотел сказать художник, и что-то свое, то, что наполнит его душу радостью и духовным светом.